

Ник Шумрок

Вокруг Достоевского

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84
Н62

Ник Шумрок

Вокруг Достоевского / Ник Шумрок — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 60 с.

ISBN 978-5-532-93365-1

В представленной читателю первой части книги "Вокруг Достоевского", речь идет как о самом сочинителе, так и о его ближайших и дальних родственниках, о его родословной. Читатель сам убедится в том, что представители этого рода и есть Россия, что род писателя — это, в миниатюре, модель русского дворянского общества 18 – 20 веков. Читатель познакомится с ними, погрузится в их среду. Автор старается показать их живыми людьми, с повседневными заботами, переживаниями, страстями. Все в этом роду переплелось между собой, вросло в тело России.

Содержание

Вступление	4
Глава 1. Рыкачевы (продолжение)	19

Вступление

Здравствуй, мой благосклонный читатель. Хочу познакомить тебя со многими людьми, имена которых ты, возможно, давно знаешь, да воспринимаешь их так, будто это не люди из плоти и крови, а застывшие музейные экспонаты с аккуратно приклеенными бирочками. Именно то, что на них написано, мы и изучаем в курсе истории и литературы.

Возьмем, к примеру, Ф.М.Достоевского или Л.Н.Толстого. Наверняка в школе тебя заставляли читать их произведения, и, конечно, ты их не читал, а если и открывал книгу, то считал страницы, и в твоей голове с тех пор как в каком-то сите застряла вся эта каша. Современные выпускники, если спросить об их произведениях, вспомнят, возможно, про Раскольникова, зарубившего старуху-проценщицу топором, да про Анну Каренину, кинувшуюся под поезд. Нет, не пугайся раньше времени, мой благосклонный читатель, мы не будем заниматься разбором произведений сочинителя Достоевского, а поговорим вначале о его родственниках – дальних и близких. И, окажется, что представители этого рода и есть Россия, что род писателя – это в миниатюре модель русского дворянского общества 18–20 веков. Я познакомлю тебя с ними, введу постепенно в их среду, проведу сквозь века этого рода. Многие факты ты, может быть, давно уже узнал из учебников, но в них все излагается всегда сухо и скучно, да и приходится знакомиться с ними не по собственному желанию, а по принуждению (можно сказать «из под палки»). Я же постараюсь показать тебе их живыми людьми, с их повседневными заботами, переживаниями, страстями. Все в этом роде переплелось между собой,росло в тело России. Даже не знаю, как распутывать этот клубок, за какую ниточку потянуть? Ну, да, дорогу осилит идущий! Начнем, пожалуй, с этого письма:

«Вот уже две недели, что я не имею от тебя ни строчки, милый Андрюша. Знаю одно, что неделю тому назад «твои» получили от тебя письмо. Следовательно, ты здоров. Отчего же ты

не пишешь? То есть, не пишешь мне? Объясняю себе, впрочем, это обстоятельствами беспорядка на почте и горько размышляю о том, что впереди еще может быть и не две только недели придется оставаться что называется «без никому» (так в тексте – НШ). Грустно очень. Не знаю уж, поздравлять ли тебя с приездом на место назначения, ибо я не сомневаюсь, что в данную минуту, что я тебе пишу, ты уже находишься в Главной Квартире. Как-то ты себя чувствуешь? Доволен ли тем, что увидел? Я тебе не завидую, но не завидую и никому из оставшихся здесь. Говорят о просвете, чают какого-то чудного радостного будущего, между тем, право, иногда кажется, что это взрослые дети себя сказками тешат. Нам, лично, становится как-то все хуже, тяжелее, несноснее жить... Только за последнее время у меня почти ежедневно болит голова, вероятно от гадкого душевного состояния, а также и от переутомления. Я теперь страшно много занимаюсь, но не науками, а рисованием. Я поступила в мастерскую Дмитриева-Кавказского и рисую теперь ежедневно не меньше 4-5 часов. Школы не бросила, и по вторникам и четвергам удираю в нее от Кавказского. Дела идут ни шатко, ни валко. В мастерской я пока своим рисованием очень недовольна, т.к. убедилась воочию, что я еще ровно ничего не смыслю. Рисую углем и карандашом головы натурщиков, которых все остальные пишут масляными красками и почти все целиком, т.е. вместе с туловищем. Зато в школе я чувствую, стала рисовать лучше... В общем, очень довольна тем, что занята по горло, и очень рада, что собралась, наконец, с духом и поступила в мастерскую. Это и был тот план, тот испанский воздушный замок, о котором я писала тебе, кажется, в первом письме. Рисую без усталости и чувствую себя лучше, чем чувствовала себя при чтении Лейбница и переводе Декарта (которого ведь до сих пор еще не просматривала, между прочим; не правда ли, милое отношение?). Если бы ты был здесь, я бы рассказала тебе все как, что и почему, но в письме это выйдет слишком длинно и скучно. Эти занятия помогают несколько забывать нашу тяжелую действительность. Ты себе представить не можешь, как тяжело на душе! Все время ходишь с каким-то Монбланом на сердце. Каждое утро

просыпаешься и с тайным страхом думаешь о том, что принесет тебе настоящий день. Газеты читаешь, чуть ни со слезами. Чем-то все это кончится? И скоро ли? Телеграммы наводят щемящую тоску и повергают прямо-таки в отчаяние. Все кажется таким бесполезным, бессмысленным. Слухи у нас ходят все такие, что право жизнь становится постылой. Как я завидую тем, кто среди всех, теперешних событий сохраняет истинную бодрость и твердость духа и искренно верит в лучшее будущее. Может быть и я бы меньше ныла, если бы хоть с кем-нибудь могла поговорить по душе. Но теперь положительно не с кем... С нашими я перестала говорить. Вначале было пробовала, спорила с пеной у рта, доказывала, убеждала, горячилась и волновалась без конца, пока не убедилась, что весь мой порох пропадает даром. Теперь даже стараюсь не слушать и даже ухожу в другую комнату, когда заходит разговор на современные темы. Может быть это плохо, но я не могу иначе. Они вообще... Единственный человек, с которым можно поговорить – Тихонова, но я с ней теперь очень редко вижусь, благодаря тому, что поступила в мастерскую, а она последнее время себя плохо чувствует. От нее получила я всякие интересные новости, так как у нее сравнительно большой и очень разнообразный круг знакомых. Вначале я передавала их нашим, но так как потом пришла к убеждению, что лучше воздерживаться от животрепецащих тем, то и «заткнула фонтан». И, право, стало гораздо лучше. Знаешь-ли, вообще, если бы только хватило силы воли и характера, можно было бы, так сказать, внутренне освободиться ото всего, как бы возвыситься над жизнью, – и тогда было бы чудесно! Так как у меня этой силы нет, да и вся я уже какая-то надломленная и исковерканная, то мне и приходится прибегать к таким спасительным средствам, как мастерская. Не думаю, что из меня что-нибудь вышло, слишком уже поздно. Но, во всяком случае, это может спасти меня. Аось, судьба будет помягше и не отнимет от меня этой последней соломинки. А между тем это легко может случиться: мама уже кричит, что я и похудела и побледнела, и плохо ем, и мало сплю... Отчасти все это справедливо. Но для меня главное – побороть в себе не физическое утомление, а нравственное. Однако

прости, что я так бессовестно занимаю тебя все время своей собственной дражайшей персоной. Хотя, с другой стороны, о чем же мне писать иначе?»

Прерву на минуту цитирование письма и задам тебе, мой благосклонный читатель, несколько вопросов. Кто автор этого письма? Кто эта девушка, увлекающаяся философией и нашедшая временное утешение от домашних житейских забот и общественных потрясений в живописи? И кто такой этот Андрюша, куда и зачем он уехал? И какие времена на дворе? Вопросы, вопросы, ответов на которые нет в письме. Но, это пока. Потерпи, мой благосклонный читатель, постепенно ты сам все поймешь и восстановишь полную историческую и жизненную картину. Ах, да, на обороте листа я нашел окончание этого письма.

«Вопросов я не ставлю из принципа, – дала себе слово не затруднять тебя ими, да, к тому-же, я надеюсь получить на них ответ в твоих корреспонденциях, которые теперь, к сожалению, перестали появляться. Тихонова с большим интересом читает их и как-то сказала мне по поводу которой-то из них: «А ваш брат хоть и размазывает, иногда, а все нет-нет, да и скажет под конец крепкое слово!» Пожалуйста, пиши ты, почаще, хоть в «Нашу Жизнь». А, кстати, она что-то не всегда теперь бывает одинаково интересная. Страшно порадовалась я (ты только не возмущайся сразу) за нее, когда она получила второе предостережение за первый номер, вышедший после наших событий. Было бы стыдно, если бы она смолчала! Было бы стыдно, если бы она не получила одного предостережения. Вот, милый друг, до свидания, будь здоров и не предавай моей личности совершенному забвению, хоть может быть она того и стоит. Шура. PS. Мои все кланяются. 03.01.19.. г. PS. Не знала точного адреса и потому не послала тотчас-же. А потом пронеслись М<осков>ские события. Благодаря всему этому посылаю это письмо с огромным опозданием (больше месяца). Одновременно посылаю еще другое письмо».

Итак, на наших глазах проясняется судьба двух молодых людей – Шуры и Андриюши. Давай теперь, мой благосклонный читатель заглянем в дневник адресата и узнаем, что он делал в те дни, когда Шура писала ему свое письмо.

«1.01.19..г. Вчера встречали Новый Год в салоне. Генерал и полковник не присутствовали. Пили довольно много. Часть небольшая осталась пьянствовать до утра. За нашим столом тост за Конституцию был принят с громким восторгом. Но мне было не по себе, среди чужих – поляки, немцы, греки, евреи. Русских только я, да проводники, да одна из дам – другая, объект ухаживания от нечего делать наших пассажиров – какого-то сомнительного происхождения. Я говорил, что мир нельзя покупать ценой контрибуций и потерь территорий Мне возражали. Сегодня проснулся рано на восходе солнца на ст. Т.... Все еще спали. Чудная погода (-15R – потом значительно теплее). На станции стоял эшелон обозного груза, лошадей и людей ... Едут от Витебска. Потом обгоняли много таких эшелонов в сегодняшний день. На станции З... я посмотрел один вагон из такого эшелона. В нем 35 человек. Посредине печка. Стены ничем не обиты. Но солдаты говорят – не холодно. Двойные стены. Одеты хорошо. Продовольствие тоже хорошее, сами хвалят начали: у них с эшелонам кухня. На станции З... и лазаретный эшелон один стоял. Утром разговорился с полковником: инженер-полковник Анатолий Иванович Миллер – был в штабе..., теперь в 1-ой армии начальником этапов. Сам вызвался дать мне карточку к Пестичу. Оказывается, сам подписчик «Нашей Жизни» и сказал: «Ну, мы «Н.Ж...» поможем! Мы вам постараемся облегчить! Много знает про Манчжурию. Но не хотел, кажется, разговаривать: «посмотрите сами». Очень недоволен всеми корреспондентами. Правды нет: все фантазии. Да и не может быть иначе: цензура не дает писать правды. Производит впечатление сухого, глуховатого немца, с довольно высоким мнением о себе, как будто обиженного чем-то и вознаграждающего себя глубокими мысленными размышлениями и скепсисом. На станции З... впервые газеты Известия за 30 и 31. Сегодня телеграмм конечно нет. На ст. Т..., кажется, сел к нам крупный подрядчик Дав. Мих. Кузнец, вла-

делец копей в 140 верстах от Иркутска, строивший железный путь через Байкал в прошлом году. Жаловался, что об нем никто ни слова в этом деле, а всю заслугу приписали себе чиновники и казенные инженеры. А между тем все он. Ему, впрочем, дали ...золотые часы с гербом. Он сибирский еврей. Совсем русский по наружности, выговору, манерам, оборотам речи. Сибирские евреи многие не сохранили еврейского типа. Но этот – особенно. Хвалился, что он честный подрядчик, никогда взятки не давал, любим рабочим, приобрел прекрасную репутацию, вышел из самых низов, до сих пор писать без ошибок не может, видал виды, и испытал жизнь, почище Максима Горького. Днем по сторонам все леса. Местность населенная. После ст. 3... чудные виды. Гористая местность. Поезд опаздывает все по-прежнему часов на 40. Сегодня брал ванну. Очень хорошо. Пианино в нашем вагоне нет. Но вообще очень комфортабельно. У меня большое четырехместное купе на одного. Жалко, что мало разговаривал с генералом и полковником. Из разговоров с другими. Поляк – уполномоченный банкирского дома Суходольский много говорил про достоинства правильно поставленной коммерции, ... ее преимущество перед русским обычным понятием о торговле. Про взяточничество ужасное. По его словам 18 копеек на пуд его товара ему обошлось смазывание разных чинов в Петербурге. Про уклонение от воинской повинности – нынешней осенью в западный край бежало от воинской повинности за границу 2-3 тысячи человек. Обошелся каждый побег рублей в 60. Опекун (богатый) одного болезненного молодого человека не хотел его подвергать случайностям обычного перехода через границу (нужно, между прочим, проходить через реку, хотя и не глубокую) и провез его просто – по соглашению с жандармским офицером в поезде в Берлин. Офицер взял за это – прямо из рук в руки – 600 р. Очевидно, он был в соглашении с прусским офицером. Много и про контрабанду. В самом начале разговора настойчиво напирал, что ни еврей. Наружность же страшно еврейская. Поляк – инженер говорил, что Круго-Байкальская дорога обоилась миллионов 55. Так было по смете. Потом сэкономили миллиона 3. Но эти миллионы пошли на ускоре-

ние. Дорога должна была быть готова к 1906. Теперь уже ходят по ней 14 пар поездов в сутки. Но только воинские.

Так что это за времена такие, когда с пуда берется взятка в 16 копеек? Не при Царе ли Горохе? Нет, мой благосклонный читатель, едет наш Андрюша корреспондентом газеты «Новая Жизнь» на русско-японскую войну. Сетует на то, что в вагоне отсутствует пианино. Офицеры весело встречают Новый 1905 год. И настроение у них такое, что задавят они этих «макак» япошек. Но, как вопрошал Александр Блока в поэме «Возмездие»:

*Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?*

И сам же отвечал:

*Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Гроза Артуром и Цусимой,
Гроза Девятым января...*

Да уж, до девятого января, «Кровавого воскресенья» осталось девять дней. А солдатики в «теплушках». Погода чудесная, пишет Андрюша, -15 по Реамюру (это – 19 по Цельсию). Конечно, если набить в теплушку 35 человек, то тепло им будет. Нет, я не осуждаю Андрюшу, он-то, как раз, человек совестливый.

—Позвольте! – возмутится мой благосклонный читатель, – на дворе 1905 год, а Достоевский-то умер в 1881 году! Все верно, писатель умер, но живы еще его родственники, такие, например, как внучатый племянник Андрей Рыкачев – который едет на русско-японскую войну как корреспондент столичной газеты «Наша Жизнь».